

Родиона Нахапетова — популярного в СССР актера и режиссера — в Москве теперь встретишь редко. Его отъезд из страны в 1989 году и жизнь в США окружены некоторой тайной. Кое о чем он рассказал в недавно вышедшей в издательстве «Вагриус» книге «Влюбленный». Но все-таки корреспонденту СКН удалось поговорить с ним в Москве: о кино, о жизни в России и Америке.

СКН: Вы сейчас постоянно проживаете в США?

Р.Н.: Три четверти года — в Америке, остальное время провожу здесь.

СКН: Известно, что Фонд Родиона Нахапетова занимается организацией бесплатных операций на сердце русским детям американскими врачами. В данный момент Вы здесь — по делам Фонда?

Р.Н.: Формально — да. Но у меня здесь и встречи с творческими работниками, продвижение сценария, созданного для съемок в России.

СКН: Почему Вы, преуспевающий кинематографист, уехали из страны в 1989 году, когда уже можно было снимать все, что тебе угодно и кое-кому это удавалось?

Р.Н.: Я собирался ставить комедию по пьесе Галина «Стена», но не хватило денег. Начать съемки была возможность, а потом пришлось бы останавливаться и искать денег. Ког-

нег угрожаешь? А тебе что — эти деньги легко даются? Раньше-то враг был внешний. Теперь я вспоминаю критиков, которые еще в России советовали мне что-то, и во многом их оправдываю. Этот опыт примирил меня с теми людьми, которые, казалось, вставляли мне палки в колеса, когда я был здесь.

СКН: Денег, что Вы нашли, хватило только на малобюджетный — по американским стандартам — фильм.

Р.Н.: Побеждаешь, если сделал картину за один млн. долларов, а она заработала шесть. С тобой тогда хоят все разговаривать — ведь ты для них заработаешь деньги. Вообще же, процесс поиска и выбивания денег — чрезвычайно болезненный и неприятный. Не знаю, может, в России это не так тяжело...

СКН: Просто в России «выбивают» не те суммы. А какие отзывы в США были на Ваш фильм?

део и имеет международный прокат в Европе. В России его будет прокатывать фирма «Мост-медиа», она готовит и выпуск на видео.

СКН: В конце концов «Телепат» себя окупит?

Р.Н.: Безусловно.

СКН: Почему, на Ваш взгляд, русским режиссерам труднее ассимилироваться в Голливуде, чем, скажем, голландцам или французам? Опыт работы Андрона Кончаловского — двойственный...

Р.Н.: Кончаловский потратил много сил и времени, чтобы пробиться в Америке, хотя и не говорит об этом вслух. Он очень бился, чтобы завоевать американскую аудиторию. Только кажется, что голландцам или французам легче. Из 20 французских 1-2 работают, остальные бьются головой об стену и не могут пробиться, итальянцы — тоже. Это дело случая. Пауль Верхувен продвигает своих знакомых голландцев, теперь популярны режиссеры из Гонконга. Надеюсь,

ния, визуальных, эффектов. Научись мы делать это — ничего плохого не случится.

СКН: Поскольку мы заговорили о спецэффектах, вспомним и операторов. Поляков, французских, немцев работает в Америке много, а что же русские операторы — намного хуже?

Р.Н.: Наши операторы, композиторы ничем не хуже, но они привыкли работать в других условиях, по три-четыре месяца, что недопустимо в

РОДИОН НАХАПЕТОВ:

«ПОЕЗД УШЕЛ В ДРУГУЮ СТОРОНУ»

СКН.Новости — 1999 — 25 июня — с. 18-19

да корабль попадает в шторм, капитан понимает, что надо штормовую зону обойти, изменить курс. Изменения, происходившие в стране, были настолько бурными, всеразрушающими в моем понимании, что я подумал: не смогу снимать «чернуху», которая нравилась зрителям в те времена. Думал, что буду чужим в этой атмосфере. Мне показалось, я смогу использовать свой профессионализм в другой среде, которая представлялась более спокойной, устоявшейся — как американский кинематограф.

СКН: Но вряд ли Вы сразу почувствовали себя своим в Америке?

Р.Н.: Смешно рассчитывать, что в стране с другой культурой сможешь быстро все завоевать. Речь шла не о том, чтобы победить, а о том, чтобы выстоять, сохранить нравственные и творческие ценности, которые я в себе культивировал. Для меня это был не побег или предательство, а естественная потребность развить себя: открыть новый мир, получить новую информацию — все это учеба, потенциальная возможность идти вперед.

СКН: На Западе Вы столкнулись с серьезными трудностями — поиски денег на картину, борьба за выживание. Чему это научило Вас?

Р.Н.: Слишком сужаете проблему. Кроме поиска денег, там много сложных творческих вопросов — скажем, с подбором актеров. То, что я искал деньги — не уникально. Это обыденный и изнуряюще тяжелый труд. Но если я чему-то и научился, то не этому. Найти деньги — негативный опыт, не дающий ни творческого, ни морального удовлетворения. Другое дело — опыт создания картины «Телепат», когда сам — и продюсер, и сценарист, и режиссер. Когда делаешь все сам, то вдруг находишь внутри себя врага, антагониста, который спорит: «Слушай, зачем тебе эту сцену снимать? Знаешь, сколько де-

Р.Н.: Я не считаю свою картину отступлением назад, я не делал ее в угоду кому-то. Там нет огромного масштаба событий, но то, что я хотел, то и сделал. Что касается эффекта, который она производит, то тут как бы две цифры. Одна — это критические отзывы, другая — деньги, зарабатываемые картиной. Моя картина не фестивальная, она рассчитана на публику. Сейчас трудно что-то сказать о ее судьбе — мы отдали картину дистрибьютору, который не хотел вкладывать деньги в прокат, так как его компания — производящая. Выпуск фильма на широкий экран требует почти такой же суммы на рекламу, копии и т. д. Для маленьких недорогих картин найти нишу между блокбастерами трудно. Поэтому нам сказали: мы выпустим вашу картину, если вы вложите еще деньги. Но «Телепата» уже купили крупные телекомпании. С июня по декабрь она должна выйти, но как пройдет — сказать трудно.

СКН: Из-за малого бюджета Вы столкнулись и с проблемами при подборе актеров?

Р.Н.: Естественно, мы не могли пригласить Брюса Уиллиса или Мишель Пфайфер. Даже если они тебя лично знают, то вряд ли пойдут сниматься за 500 долларов. У меня есть в фильме имена, но не первой величины — Тони Тодд, Карен Блэк, бывшая порнозвезда Трейси Лордз — и то они согласились у нас играть только по дружбе. Эти имена могут тебе «подыгрывать», но они — не та сила, с которой можно ворваться в большой кинематограф. Значит, нужна или уникальность истории или фестиваль-ный бум, протолкнувший бы картину на экран. У меня уникальности сюжета нет, нет и чего-то такого, что могло перевернуть сознание людей, поэтому фильм пойдет по телевидению. Сейчас он хорошо идет на ви-

русские режиссеры когда-нибудь завоеуют свою позицию и будут рассказывать глубокие, душевные, настоящие человеческие истории, которых в Голливуде очень мало. И это было бы здорово!

СКН: Лидерами кассовых сборов становятся фильмы коммерческие и иногда просто убогие. Вы думаете, американцам нужны наши глубокие человеческие истории?

Р.Н.: У нормального человека есть потребность не только в блокбастерах. Иногда картины скромные — в частности, английские — находят своего зрителя и хорошо идут. Например, «Мужской стриптиз». Русская душа, русский менталитет когда-нибудь завоеуют кинематограф, как когда-то Чехов завоевал сердце всего театрального мира.

СКН: Конечно, пока это неосуществимо, но русским все-таки надо научиться делать современный, живой кинематограф.

Р.Н.: Безусловно. Тогда рынок в России не будет так заполнен американскими фильмами, и кинематограф получит финансовую подпитку.

СКН: А если русским режиссерам хорошенько поработать в жанрах, давно разрабатываемых американцами и приносящих деньги, славу, самостоятельность?

Р.Н.: Я не хотел бы культивировать американский стиль жизни — насилие, цинизм — и у меня нет желания перенести внешний рисунок фильмов на русскую почву. Идея все равно должна быть нашей. Но от способности сделать картины умело, ловко ничего не пострадает. Наш зритель хочет удивляться спецэффектам. Надо расширить рамки кинематографа, не копируя американское кино, научиться исполнять такие важные элементы картины, как ритм, темп, острый сюжет: меньше болтологии, разжевывания, добавить больше движе-

Америке. Надо поучиться у американцев и съемочной дисциплине.

СКН: А нет ли в Америке предубеждения к русским режиссерам?

Р.Н.: Есть. С давних пор, когда еще существовал советский кинематограф, многое в нем им было непонятно. А когда они чего-то не понимают, то раздражаются, уходят из зала и никогда не вернутся. Это был другой мир. И даже хорошо сделанная картина про нашу жизнь для них — чужая. Наши картины всегда страдали замедленностью действия: душа широкая, все текущее, плавное... А для них интересна динамика. У нас много «сидят» на диалогах, долгая речь, незнакомые лица — а в Америке очень много эмигрантов, различных культур, и заставить эту публику разбираться в российских проблемах ни у кого времени не было.

СКН: И даже последние наши известные фильмы не востребованы зрителями?

Р.Н.: Очень слабо идут. «Вор» для нас вроде и ничего, а публика американская его не знает. Картины Михалкова тоже зарабатывают небольшие деньги, несмотря на то, что критика была хорошая — для русских это уже считается неплохо. Многие им не нравятся в наших фильмах: субтитры, при озвучивании слышны другие интонации, изменен текст и создается эффект неправды.

СКН: Может, нам сразу снимать на английском языке?

Р.Н.: Нет. Но надо делать картину, записывая чистовую фонограмму, а не озвучивать. Чтобы было видно, как дышит артист, все его эмоции, нервы. В США мало озвученных картин — они записывают звук во время съемок, и слух у них натренирован.

СКН: Короче, пробиться русскому фильму непросто...

Р.Н.: Хотя основу Голливуда составляют выходцы из России. Когда с

Нахапетов Родион

25.06.99

25/25

ними начинаешь говорить, они тут же вспоминают своих бабушек и дедушек, русскую еду. При достаточной финансовой базе можно было бы снять крупные фильмы о России, сделав некое ответвление в американском кино, ввести русскую жизнь в сознание американцев, так как сейчас она полностью отсечена. Нужен актер, драматургия или режиссура такого уровня, которого американцы не знали до этого.

СКН: Сомневаюсь, что Россия интересна американцам. Им без нас живется неплохо...

Р.Н.: Да, интереса особого нет. Лет десять назад был — и то в силу контраста: раньше враг, теперь друг, а сейчас всякий интерес пропал. У нас в жизни происходит много интересного, но американцы ленивы, они — потребители; конечно, у них есть и интеллигенция, но масса — ей что кладут на прилавок, то она и берет. То, что у Америки нет интереса к России — это ее проблема, а не российская. Нам надо делать свое дело. У нас может так же упасть интерес к Америке, и он уже падает.

СКН: Почему тогда кинематографисты рвутся поработать в США?

Р.Н.: Как в теннисе: простой турнир — одно, а Кубок Дэвиса — другое. Собираются лучшие, и каждый хочет быть первым, все тянутся к другому уровню.

Но в кино обязательно нужны связи, нужно, чтобы кто-то ввел тебя в круг, потому что киностудия — замкнутый клан. Сам ты не ворвешься туда никогда.

СКН: Каким проектом Вы сейчас занимаетесь в Америке?

Р.Н.: У меня около семи проектов с просчитанными бюджетами. Для меня эти фильмы как бы уже созданы: продуманы, разработаны. Но надо получить средства. Не только оплатить долги по прошлому фильму, но и получить навар, чтобы вложить снова.

СКН: Ожидание не всегда на пользу: замысел остывает...

Р.Н.: У меня был фильм «О тебе», и мы так долго его пробивали... Вы правы — остываешь, теряешь интерес, да и твоя идея начинает использоваться другими: они тоже не стоят на месте и что-то выдумывают.

СКН: Могли бы Вы или другой русский режиссер снять блокбастер типа «Армагеддон»?

Р.Н.: Я мог бы. Русские режиссеры и операторы, прошедшие школу на Западе, набившие руку, тоже могли бы.

СКН: Где пресс индустрии, продюсера давит больше на режиссера — здесь или там?

Р.Н.: Здесь инвестор давит, а там — студия. Но еще больше давит «звезда». Будь осторожен: «звезда» может выкинуть тебя в один день. Контракт со знаменитым актером заключается на 20 млн. долларов, с контрактом режиссера его не сравнить. Только на актере можно заработать, и если он чем-то недоволен, то звонит своему агенту и мягко говорит: мне трудно работать. И режиссера убирают: «Мы выплатим тебе 1,5 млн. долларов, оставим твое имя в титрах, но только уходи». У нас же все на площадке решает режиссер: захотел заменить актера — меняет. И я считаю — правильно, так как режиссер создает этот мир.

СКН: Вы прожили в США не один год, почему все-таки Вам не удалось пробиться в этот заветный, «ближний круг», попасть в клан?

Р.Н.: Из-за моего характера. Я и здесь, и там не тусовался. Мне кажется стыдным вести разговоры, чтобы продвинуть себя, свое имя. Я чувствую себя уверенным, когда у меня есть конкретное предложение к человеку, конкретная роль. Я видел и Тома Хэнкса и Мэг Райан, но конкретно предложить им было нечего...

СКН: Где ждать Вашего фильма раньше — здесь или там?

Р.Н.: Вопрос... Мой приятель режиссер Ишмухамедов хочет сейчас сделать фильм «Влюбленные-2», ищет деньги. Если все сложится хорошо, то увидите меня в этом фильме.

СКН: У Вас в Америке есть свой бизнес?

Р.Н.: Я создал киноакадемию для студентов, которые хотят стать актерами, режиссерами. Мы приглашаем знаменитых продюсеров, актеров, режиссеров, и они разговаривают с ребятами — лучшая для молодых школа. Все рассчитано на два года. Большая часть учащихся — русские, но есть и американцы. Сейчас в этом деле мне надо набраться немного опыта. Кроме того — дела по Фонду, надо постоянно встречаться с врачами. Никто за это не платит. А так — семья, дом...

СКН: Вы по-прежнему живете с Наташей?

Р.Н.: Да, у нас полное взаимопонимание. Конечно, бывают трудные периоды, но у нас много надежд, планов.

СКН: Вы общаетесь с дочерьми, когда приезжаете в Москву?

Р.Н.: А как же!

СКН: И у вас нормальные отношения?

Р.Н.: Я не спрашиваю их, но понимаю, что где-то в глубине они травмированы тем, что я не был с ними всегда. Но дочери стали взрослыми и делают выводы сами. Я не говорю, что они меня оправдывают — никто никогда не оправдывает отца, который бросил детей, семью. Оправданий не будет. Но понимание и интерес к близкому человеку остается.

СКН: Я помню ваш фильм «Идущий следом», снятый в середине восьмидесятых, где герой бросал семью, а затем ухаживал за чужим ребенком. Вы в какой-то степени повторили судьбу своего героя.

Р.Н.: А знаете почему? Потому что искренне. Когда ты делаешь что-то искренне, отражается нечто, происходящее внутри тебя, — подсознательно так оно и было.

СКН: Почему в книге «Влюбленный» Вы так мало написали о своих взаимоотношениях с женщинами?

Р.Н.: Как Михалков-Кончаловский?

СКН: Неужели женщины никак не повлияли на Вас в жизни?

Р.Н.: Нет, женщины не изменили моей жизни. Только мать повлияла на меня. Друзья — тоже. Ну, а вообще мало ли что было! Я обидел бы откровениями людей, у которых своя жизнь. Женщины питают тебя эмоционально, делая жизнь более радостной или печальной, но не формируют тебя как личность. Впрочем, может кого-то и формируют, но не меня.

СКН: У Вас было много поклонниц?

Р.Н.: Очень. Влюблялись, врывались в квартиру. И сумасшедшие были. Одна женщина как-то прислала мне письмо, в котором призналась, что она моя мать, но меня у нее забрали якобы сразу после рождения. Очень страдала. Я послал ответ: «У меня была и мать, и бабушка». Она утверждает, что все это ложь, и присылает огромную посылку, полную шоколада и рубашек: «Сыночек, ты можешь считать, что хочешь, но я твоя мать», — писала она часто. Я сказал ей: «Вы родились в 1932 году, а я в 1944-м. Вы же не могли родить в 12 лет!» Она ответила: «У тебя могли перепутать в паспорте дату». Кто она такая? Откуда взялась? Обещала мне оставить мотоцикл...

СКН: Если бы удалось повернуть колесо времени назад, изменили бы Вы что-то в своей жизни?

Р.Н.: Я бы хотел повернуть жизнь в России иначе, тогда поменялся бы и я. Этим российским ураганом и меня раскидало...

СКН: Как и многих...

Р.Н.: Поезд ушел в другую сторону. Но все не случайно. Значит, цель в этом есть, как бы я ни метался.

Беседу вел Игорь ГАВРИКОВ